

Г.Д. Гловели

*д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ОТ ПЕТТИ К СМИТУ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ В ИСТОРИКО- НАУЧНОЙ И МИР-СИСТЕМНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. Статья приурочена к юбилейным датам У. Петти и А. Смита в 2023 г. и рассматривает наследие классиков английской политической экономики в контексте проблемы влияния европейской научной революции XVII в. на британскую промышленную революцию XVIII в. Выделено историческое значение расцвета британского часостроения как побочного продукта научной революции XVII в. Описаны предпосылки накопления человеческого капитала, которое было необходимо для технологического прорыва в индустриальную цивилизацию именно в Англии.

Сопоставлены различные трактовки экономистами и историками мысли рамок классической политической экономики и отношения А. Смита к промышленной революции. Отмечено предвосхищение в «Дополнениях к «Политической арифметике»» У. Петти роли инновационной часовой мануфактуры и ресурсов каменного угля как британских конкурентных преимуществ. Показано, что эволюция английской политической экономики от доктрины торгового баланса к учению А. Смита о «системе естественной свободы» отразила завоевание Англией позиции гегемона в сформировавшейся капиталистической мир-системе.

Ключевые слова: *политическая экономия, политическая арифметика, научная революция XVII в., промышленная революция, человеческий капитал, мир-системная гегемония, манчестерство.*

JEL: A14, B10, B12, B17, B31, N63, N73

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_64_84

© Г.Д. Гловели, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Гловели Г.Д.* От Петти к Смиту: происхождение классической политэкономии в историко-научной и мир-системной ретроспективе // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2. С. 64–84. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_64_84.

FOR CITATION: *Gloveli G.D.* From Petty to Smith: The Origin of Classical Political Economy in Historical-Scientific and World-system Retrospective // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2023. No. 2. Pp. 64–84. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_64_84.

Введение к двум юбилеям: романтизм и классицизм в формировании политической экономики

На II-й квартал нынешнего года падают два знаменательных юбилея истории экономической мысли — 400-летие со дня рождения Уильяма Петти (май) и 300-летие со дня рождения Адама Смита (июнь). Примечательно, что ровно век разделяет как даты рождений Петти (1623–1687) и Смита (1723–1790), так и годы создания их главных трудов: «Политической арифметики» (1676) и «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776). Хотя судьба двух знаменитых произведений сложилась по-разному. Книга выскочки-натурфилософа и одного из основателей Лондонского Королевского общества сэра Уильяма Петти сначала

прошла в рукописи по английским придворным кругам, а впервые напечатана была «пиратским» способом (1681) вопреки воле автора, опасавшегося опалы за свою резко выраженную антифранцузскую позицию. Полное издание (1691) с добавлениями, написанными автором в последние годы жизни, вышло уже после смерти Петти и после «Славной революции» (1688), свергнувшей профранцузский дом Стюартов. К тому времени достоянием науки уже стали «Математические начала натуральной философии» (1687) Исаака Ньютона, а в течение 1690-х гг. вышли философско-политические трактаты Джона Локка. И прокламированный Петти в духе свершавшейся научной революции количественный подход хотя и был крупным вкладом в мощную традицию британской индуктивистской мысли, остался всё же в тени достижений младших по возрасту членов Лондонского Королевского общества.

Кроме того, прямым последователем Петти в методе и правилах «искусства аргументировать числами» применительно к «предметам, относящимся к государственному управлению», был член палаты общин британского парламента тори Ч. Давенант (1656–1714). Но он упрекал учителя в многочисленных преувеличениях и даже подтасовках [Птуха, 1945. С. 114], а сам втиснул «политическую арифметику» в узкие рамки меркантилизма («Опыт о вероятных способах, как сделать так, чтобы народ выгадал в торговом балансе», 1699). В итоге к середине XVIII в. «политическая арифметика», отождествлённая с частью меркантилистской «политической экономии», стала считаться чем-то отдалённым от познания «естественных законов». И Адам Смит в критическом пафосе против «пристрастной и притеснительной политической экономии» походя заметил, что не придаёт большой веры политической арифметике [Смит, 2007. С. 512, 635], а имя Петти не упомянул вовсе.

Фривольный Петти, преуспевший в неблаговидном стяжании богатства и титула «сэр», разбрасывался числами и блёстками оригинальных идей, перескакивая от одной злободневной проблемы к другой. В противоположность ему профессор моральной философии Смит методично готовил свой *Magnum opus* в течение четверти века. Долгое вызревание «плода» включало лекционные курсы в университете Глазго, два года плодотворного общения с лучшими умами Франции, включая первую школу «экономистов» — физиократов, и десятилетнее сосредоточение в родном городке Киркольди. Зато почти сразу после выхода «Богатство народов» снискало всеевропейскую славу. Вплоть до Российской империи распространилось признание учения книги Смита основой подлинно научной политической экономии и «руководством в созерцании государственных сил» [Румянцев, 2011. С. 290]. За регулярными переизданиями и переводами последовала влиятельная популяризация — «Трактат политической экономии» (1803) Ж.-Б. Сэя. Заглавие демонстрировало полноту переворота: политическая экономия из обоснования правительственного вмешательства в торговлю и промышленность превращалась в науку о «естественных законах» при невмешательстве государства¹.

В начале XX в. международное признание Смита «истинным творцом современной политической экономии» [Жид, Рист, 1918. С. 28] осталось таким же, как и столетием ранее. В это время знаменитый естествоиспытатель-нобелиат, натурфилософ и науковед Вильгельм Оствальд противопоставил друг другу два типа учёных-новаторов: «романтика» и «классика». Один скор в реагировании, экспансивен, порывист; склонен быстро переходить от одной области исследований к другой, прибегать к дерзким гипотезам и торопиться с выводами, подчас экстравагантными. Другой скрупулёзен, выбирает направление исследований на долгие годы, терпеливо и настойчиво углубляется в проблему, склонен не выпускать труда до тех пор, пока тот не выльется в систематичное, отделанное целое. Зато научные результаты неторопливого классика очевидны, солидны и предопределяют, куда двинутся последователи [Оствальд, 1910].

¹ Название книги Сэя («*Traité de l'économie politique*») полностью совпадало с заглавием сочинения А. де Монкретьена (1615), где впервые появилось сочетание «политическая экономия», но трактовка государственного вмешательства была противоположной.

Хотя расчётливого карьериста и прохиндея², каким был У. Петти [Taylor, 2023. Рр. 36–37], трудно назвать «романтиком» по жизни, именно таковым он проявил себя в «первом проекте экономической науки» [Ананьин, 2023. С. 14]. Зато с «классичностью» А. Смита нет никаких сомнений. И мало сказать, что его счастливая судьба состоит в полном согласии с духом своего времени, что он защищал те идеи, которые уже назрели, и поставил свой анализ им на службу [Schumpeter, 1954. Р. 180]. Смит создал систему экономических знаний, проникнутую и связанную несколькими основными началами, ставшими на целое столетие отправными пунктами не только для расхваливавшихся последователей, но и для противников [Чупров, 1918. С. 131].

Однако при этом систематическое учение Смита далеко не сразу стали называть «классической политической экономией». Более того, сам термин появился для обозначения традиции, родоначальником которой был назван не Смит, а Петти [Маркс, 1988. С. 91]. К. Маркс отыскал в раннем сочинении Петти «Трактат о налогах и сборах» зародыш трудовой теории ценности³ в ставшем знаменитом рассуждении: «Если кто-нибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он в состоянии произвести один бушель хлеба, то первая представляет собою естественную цену другого; если же благодаря новым, более богатым копиям он окажется в состоянии так же легко добыть две унции серебра, как прежде одну, то хлеб будет так же дешёв при цене в 10 шилл. за бушель, как прежде был при цене в 5 шилл. *caeteris paribus*». [Петти, 1940. С. 40].

О понятии «классическая политическая экономия»

Маркс, как известно, наряду с английской, идущей от У. Петти через А. Смита к Д. Рикардо, очертил и французскую линию «классической политической экономии» [Маркс и Энгельс, 1959. С. 39], начиная с П. Лепезана де Буагильбера (1646–1714), современника Петти и Давенанта, и завершая Симондом де Сисмонди (1771–1842), современником Рикардо. В то же время Маркс вынес за скобки «классики» Сэя и ещё целый ряд популяризаторов и истолкователей Смита, которые задавали тон в оформлении политической экономии как «буржуазной» университетской дисциплины. Университетские политэкономы приняли термин «классическая школа» политической экономии, но оставили за её рамками всю прочерченную Марксом «французскую» линию. Зато добавили всех тех, кто, по выражению юного русского обозревателя Владимира Милютина (1826–1855), готов был сделать французскую формулу «laissez faire, laissez passer» не просто лозунгом, но «альфой и омегой нынешней политической экономии» [Милютин, 1847. С. 10].

Так сложились два подхода, один из которых игнорировал как Петти, так и Буагильбера⁴ и Сисмонди в качестве «классиков» политической экономии. Вне марксистской традиции Петти и Буагильбер вместе фигурируют как «отцы-основатели» только в одной ретроспективе — в макроэкономической истории Э. Мэддисона, как «первоходцы в области макроизмерений». Причём Буагильбер и воспринявший его идеи маршал Вобан,

² «Фривольный армейский хирург, который одинаково был способен грабить Ирландию под эгидой Кромвеля, как и, пресмыкаясь, вымалывать у Карла II титул баронета за этот грабёж» [Маркс, Энгельс, 1959. С. 40].

³ Маркс «декретировал» значение Петти как основателя экономической науки [Schumpeter, 1954. Р. 203].

⁴ Отмеченное Шумпетером упорное игнорирование достижений Буагильбера подавляющим большинством экономистов [Schumpeter, 1954. Р. 208] продолжилось, несмотря на высеченный самим Шумпетером вклад Буагильбера в обоснование максимы *laissez-faire*. Например, в «Экономическая мысль в ретроспективе» М. Блауга (русский перевод, изд-во Дело, 1994) и в его списке «великих экономистов до Кейнса» имя Буагильбера попросту отсутствует.

автор знаменитого проекта единого налога, рассматриваются как представители «политической арифметики» во Франции [Мэддисон, 2013. С. 385, 440].

Трудно не согласиться с Й.А. Шумпетером, что превозносившие «Богатство народов» Смита как эпохальное достижение имели в виду прежде всего обоснование *free trade* и *laissez-faire* [Schumpeter, 1954. P. 180]. Фритредерство выдвинуло и первых историков политической экономии, погрузившихся в её родословную. Они рассматривали основополагающее учение Смита уже сквозь призму мирового лидерства, достигнутого Британией в «производительности, конкуренции, капитале и кредите» [Бланки, 1869. С. 134, 204]. Комментатор Смита и неопит Рикардо Дж.Р. Мак-Куллох (1789–1865) в первом формальном очерке развития политической экономии прославлял Смита за то, что тот не ограничивал капиталы золотом и серебром, но разумел под ними всевозможные богатства, произведённые трудом человека, в особенности, если они служили для создания новых ценностей путём нового труда [Мак-Куллох, 1834. С. 59]. Ученик и протее Сэя Ж.-А. Бланки (1798–1854) ставил выход книги Смита в один ряд с внедрением колоссов британской промышленности — паровых и прядильных машин. И приписывал чрезвычайное развитие промышленности в Англии возбуждающему учению Смита о том, что частный интерес, освобождённый от всяких стеснений, всегда должен определить самое выгодное для общества употребление капитала [Бланки, 1869. С. 53, 46].

Политэкономы-историки позволяли себе и критиковать «нашего общего учителя» [Бланки, 1869. С. 10]. С одной стороны, в стремлении быть «смитианстее» самого Смита. Мак-Куллох упрекал автора «Богатства народов» за допущение, будто частные выгоды от предприятий не всегда служат верным признаком общественной пользы последних [Мак-Куллох, 1834. С. 59]. С другой стороны, в несогласии с тем, что Смит и себя, и их — профессиональных политэкономов (!) — зачислил в ряд непроизводительных работников «как некоторых из самых серьёзных и важных, так и некоторых из самых легкомысленных профессий» [Смит, 2007. С. 339]. Бланки гордился тем, что первым ввёл понятие «нравственного капитала цивилизованных народов», накопленного благодаря талантам тех, кого Смит «разжаловал из производителей», — адвокатов, врачей, архитекторов, художников, государственных чиновников и пр. В отличие от упёртых коллег из лондонского Клуба политической экономии, француз признал и «горькие плоды» подъёма промышленности, движимой частным интересом и вызывавшей «несметные богатства рядом с невыразимой нищетой» [Бланки, 1869. С. 47–48]. Этот контраст во времена Бланки и Мак-Куллоха уже породил в Англии и во Франции «Новые начала политической экономии» С. де Сисмонди — критические по отношению к *laissez-faire*; утопический социализм и «народную политическую экономию», выступавшую «в защиту труда от притязаний капитала» [Гловели, 2019. С. 84–85].

У. Петти в обширной «Истории политической экономии» Бланки был упомянут всего дважды. Мимоходом в связи с подсчётами размеров голландского флота в XVII в., а также в библиографии, где автор «Политической арифметики» охарактеризован всего лишь как «робкий» (!) защитник свободы торговли [Бланки, 1869. С. 391]. Дважды мимоходом упомянул Петти и Мак-Куллох в своём очерке. Один раз — в ряду лучших «экономических писателей XVII в.», но позади Д. Норса, переоткрытого и переизданного в качестве прямого предшественника фритредерства самим Мак-Куллохом [Мак-Куллох, 1834. С. 38–39]. Другой раз, в подстрочном примечании к изложению трудовой теории ценности Рикардо, Мак-Куллох указал на место в «Трактате о налогах и сборах» Петти, где промелькнула мысль о том, что ценность товаров определяется количеством труда, необходимого для их производства, но от этого проблеска до теории Рикардо такое же расстояние, как от пифагорейских догадок о мироздании до законов Ньютона [Там же. С. 72].

Маркс существенно «сократил» эту «дистанцию» между Петти и Рикардо [Маркс, 1988. С. 101–102], а опротестованная позднее [Кэрнс, 2013] ангажированная связь смитиан-

ства и рикардизма с принципом *laissez-faire* («манчестерством») была в итоге, пусть не скоро и не всеми [Соболев, 1898. С. 309; *Hamilton*, 1919. Р. 310], разорвана. Но сохранялись (хотя и критиковались) представления, будто А. Смит обосновывал в теории согласование частных и общественных интересов «невидимой рукой», чтобы на практике обеспечить карт-бланш принципу *laissez-faire* [Ratzlaff, 1937. Р. 134]. А упёртые приверженцы экономического либерализма XIX в. начали ползучую реабилитацию *laissez-faire* выдвиганием на первый план метафоры «невидимой руки», занявшей к началу XXI в. едва ли не главное место в мифологизации учения А. Смита [Kennedy, 2009].

У. Петти, не вписывающийся в экономический либерализм, ретроспективным вниманием не обделён. Хотя подчас оно принимает карикатурные формы, как в хлётком памфлете двух французов — топ-менеджера и университетского профессора — против «меркантилистской стратегии» современного Китая и его «гегемонистских амбиций». Эта книга запечатлела алармистский тренд озабоченности современного Запада собственной деиндустриализацией и выходом КНР в мировые лидеры не только по темпам промышленного роста, но и по объёмам экспорта и ВВП. Авторы призвали вернуться к доктрине торгового баланса, которую отстаивал У. Петти, но с которой декларативно разорвала, возводя в догму идею взаимовыгодности международной свободной торговли, либеральная политэкономия Смита–Рикардо [Брюне, Гишар. 2012. С. 48].

Французские выразители боязни китайской гегемонии, впрочем, отметили, что при утверждении смито-рикардовского принципа свободной торговли он целиком соответствовал интересам тогдашнего «английского доминирования». Но достигнутого благодаря не фритредерству, а реализации модели экспортной специализации на промышленных товарах с высокой добавленной стоимостью, якобы намеченной У. Петти в «Политической арифметике» [Брюне, Гишар. 2012. С. 46]. Стоит отметить, что в дальнейшем изложении, в частности в указании на демагогию Адама Смита при оценке исторического значения Навигационного Акта, французские авторы ссылаются не на Петти, а на известного запальчивого критика смитизма и фритредерства Фридриха Листа. Но не ссылаются на своего соотечественника Фернана Броделя (1902–1985), показавшего всё значение торговых иерархий и неэквивалентности в международных «играх обмена», доминирование в которых позволило Англии совершить промышленную революцию, «находясь в центре мира» [Бродель, 1992. С. 558].

«Промышленная революция» — это ещё один поворот в лабиринтах «классической политической экономии», ведущий то к новым интерпретациям наследия А. Смита, то к «разборкам» с пролетарской политэкономией К. Маркса. «Политическая арифметика» У. Петти остаётся за скобками этих дебатов, что, на первый взгляд, логично, но позднее мы увидим, что она здесь оказывается вполне «причём».

Заметил или нет промышленную революцию Адам Смит?

Хотя Ж.-А. Бланки первым употребил словосочетание «промышленная революция» [Blanqui, 1837. Рр. 209, 270], первая систематическая, хотя и компактная характеристика этого феномена была дана Ф. Энгельсом в его труде «Положение рабочего класса в Англии» (1845), ставшем продолжением «Набросков к критике политической экономии» (1844). Энгельс четко определил хронологические рамки «промышленной революции» (1760–1830), рассмотрел её в отраслевом и даже секторальном разрезе (упомянув о плетельном земледелии и перевороте в средствах сообщения) и оценил её последствия как «полный переворот в гражданском обществе», превративший Англию в урбанизированную страну, не похожую ни на какую другую: «с крупной промышленностью, снабжающей своими изделиями весь мир и производящей почти всё при помощи чрезвычайно сложных машин» [Энгельс, 1955. С. 256].

Но для соратника К. Маркса обобщение результатов «промышленной революции» было не самоцелью, а «введением в анализ условий существования пролетариата, имеющих только в Великобритании в своей завершённой классической форме». [Энгельс, 1955. С. 238]. Этот анализ, в свою очередь, должен был послужить для «прочного обоснования» социалистических доктрин, которыми радикальный философ-журналист из Германии проникся в Манчестере — эпицентре фритредерства и месте, где «блеск, могущество и нищета английского промышленного капитализма сталкивались лоб в лоб» [Бри, 2020. С. 34]. Книга Энгельса заняла особое место среди сочинений 1830–1840-х гг., настаивавших на получении трудящимися классами «права на историю» и одновременно связывавших понятие «труд» с представлениями о бедности, нищете, эксплуатации [Февр, 1991. С. 366–367]. «Богатство народов» Смита в книге Энгельса упоминалось лишь в связи с истоками мальтузианской доктрины «рабочего фонда» и примерами оупляющего воздействия на рабочих разделения труда, доведённого до измельчавших механических операций [Смит, 2007. С. 772; Энгельс, 1955. С. 316, 351].

Основанное Энгельсом направление анализа промышленной революции было продолжено Марксом в I-м томе «Капитала» (1867), где развитие английской крупной промышленности обобщалось двояким образом. С одной стороны, это «картина будущего», которую промышленно более развитая страна показывает менее развитой. С другой стороны, это тенденция «антагонистического характера капиталистического накопления» с ростом богатства на одном полюсе и деградацией на противоположном [Маркс, 1988. С. 9, 660]. Промышленная революция по Марксу — движение от формального к реальному подчинению труда капиталу в логическом и историческом переходе извлечения прибавочной ценности от мануфактурного периода к фабричной системе машин. Обычное в западных языках употребление слова «мануфактура» (Manufaktur, manufactory, manufacture) как синонима обрабатывающей (особенно текстильной) промышленности Маркс заменил определением «мануфактуры» как ранней стадии капиталистического производства, основанной на применении детализированного ручного труда, в противоположность последующей — зрелой, фабричной стадии с машинным массовым производством и обнищанием пролетариата. При этом Маркс не воспользовался данной французскими энциклопедистами делением мануфактурных предприятий на «объединенные» (централизованные под одной крышей) и «рассеянные» (с раздачей сырья и полуфабрикатов для обработки на дому). Введённое им деление мануфактур на «гетерогенные» и «органические» охватывало, в сущности, две разновидности централизованных мануфактур [Там же. С. 354–356].

Обобщения Энгельса и Маркса были, с одной стороны, восприняты и подтверждены, с другой стороны, скорректированы германской «молодой» исторической школой в политэкономии. А. Гельд (1844–1880), наиболее чётко сформулировавший реформистское кредо этой школы как «среднего пути» между фритредерским либерализмом и революционным социализмом, в монографии «Развитие крупной промышленности в Англии» (1881) соглашался с выводами Энгельса и Маркса о жестокой эксплуатации рабочих в ходе промышленной революции. Но, привлекая архивные материалы, Гельд показал, во-первых, что подобная эксплуатация (удлинение рабочего дня до физиологических пределов, применение женского и детского труда) существовала и до внедрения прядильных и паровых машин, в периоде, который Маркс обозначил, как «мануфактурный». Во-вторых, что господствовавшим типом крупнокапиталистического промышленного предприятия именно в мануфактурный период была рассеянная (а не централизованная) мануфактура — система надомного производства, организованного скупщиками-предпринимателями [Гельд, 1899]. Французский историк П. Манту (1877–1956) в своём исследовании пришёл к аналогичному выводу, заключив, что централизованная мануфактура не была господствующей в какой-либо период производства [Манту, 1937. С. 203].

Когда к формированию экономической истории как отдельной научной дисциплины подключилась и обособленная «почти оформившаяся английская историческая школа» [Блауг, 2005. С. 165], она стала безоговорочно отдавать приоритет в концепции «промышленной революции» Арнольду Тойнби — старшему (1852–1883). Хотя следует отметить, что датировка им промышленного переворота (1760–1830) повторяла данную Энгельсом, а анализ главных технологических нововведений, сдвигов в структуре производства и размещении растущего населения был бледнее.

Посмертные «Лекции о промышленной революции» (1884) Тойнби акцентировали замену средневековых корпоративных регламентаций свободной конкуренцией и импульсы, давшие начало двум великим системам мысли: английской экономической науке от А. Смита до Дж. Ст. Милля и её антитезе — социализму. «Адам Смит показал, как могло бы производиться богатство при системе промышленной свободы», и потому «Богатство народов» и паровая машина Уатта (вместе с механизацией хлопчатобумажной промышленности) «разрушили старый мир и создали новый» [Тойнби, 1898. С. 123, 299].

Книга Тойнби оказала влияние на выдающегося русского политэконома и катедер-социалиста А.И. Чупрова (1842–1908), который в своей «Истории политической экономии» проводил мысль, что Адам Смит «является в своей книге не столько отвлечённым мыслителем, сколько наблюдателем, пишущим о промышленном мире, среди которого он жил. [...] Он сам наблюдал на зародившихся в его время мануфактурах, какое поразительное действие оказывают на успешность труда разделение занятий и начавшие появляться кое-где машины с применением механических двигателей» [Чупров, 1918. С. 124, 132].

С Чупровым согласился бы М. Лернер (1902–1992), автор известной книги «Америка как цивилизация» (1957), писавший в предисловии к одному из переизданий «Богатства народов», что Смит «держал глаза и уши открытыми к возникшему миру торговли и новому миру промышленности» и продолжал «читать и наблюдать дальше» [Lerner, 1937. P. VIII]. Аналогичные суждения были распространены до посмертной публикации незаконченной статьи историка-медиевиста Ричарда Кёбнера (1885–1958). Ссылаясь на мнение соавтора знаменитой «Истории экономических учений» Шарля Риста (1874–1955) о неверности оценки Смита как «пророка индустриализма», Кёбнер отметил игнорирование Смитом промышленных изобретений, имевших возбуждающий эффект для британского бизнеса в годы создания «Богатства народов». Это касается даже инноваций на металлургическом заводе «Каррон Компани», содержавшей товарный склад в Киркольди, где Смит писал свою книгу [Kobner, 1959. Pp. 382, 386].

В прославленной первой главе «О разделении труда» Смит пересказал анекдот о подростке, ради игрового времяпровождения якобы придумавшем самодействующий элемент в паровой машине [Смит, 2007. С. 73] (другие источники: [Бармин, 1931] приводят имя этого легендарного мальчика — Гемфри Поттер). Но в главе «О различных помещениях капиталов» ничего не сказано о вложениях в трудосберегающие машины [Kobner, 1959. P. 386].

Затрагивая текстильную промышленность, Смит обычно обращался к сукноделию (иногда льнопрядению); его примеры «остроумных машин» (самопрялка, шерстомотальная машина и сукновальная мельница) относятся к давно известным приспособлениям [Смит, 2007. С. 282]. Набиравшей силу хлопчатобумажной отрасли Смит словно не замечал. Наконец, подчеркнув определяющую роль размеров рынка для разделения труда, Смит не уставал повторять о важности путей сообщения и сокращения расходов на перевозку. Он восхвалял хорошие дороги и каналы как «величайшее из всех улучшений» [Там же. С. 191], но оставил без внимания настоящий бум каналостроительства, который охватил Англию со второй половины 1750-х гг. Единственный конкретный канал, о котором обмолвился Смит, был Лангедокский во Франции [Kobner, 1959. P. 386]. Сооружённый П.-П. Рикё (1609–1680) при поддержке Ж.-Б. Кольбера — того самого Кольбера, имя которого с назн-

дательной руки Смита было превращено в синоним «всех предрассудков меркантильной системы» [Смит, 2007. С. 191].

Статья Кёбнера инспирировала своеобразный спор между историками экономической мысли, пытавшимися продемонстрировать отчётливое осознание Адамом Смитом происходившей вокруг него промышленной революции и склонными утверждать обратное историками экономики. Полемика развернулась на фоне множащихся версий исторических рамок промышленной революции: от нашумевшей концепции взлёта (take-off) и «перехода к самоподдерживающему росту» (self-sustained growth) У. Ростой (1960), раскритикованной С. Кузнецом и другими макроэкономистами, до градуалистского растворения промышленной революции в вековом медленном поступательном росте (что лишает смысла её датировку). Один из наиболее известных макроэкономистов-историков XX в. Чарлз Киндлбергер (1910–2003) предложил признать, что Адам Смит не обладал глубоким пониманием промышленной революции, однако приблизился к её «сердцевине» в своём учении о разделении труда и размерах рынка, посеяв семена, развившиеся в науку экономической теории [Kindleberger, 1990. P. 107, 121]. Кроме того, Смит обнаружил завидную прозорливость в отношении другой революции, начавшейся в один год с появлением «Богатств народов». А именно: освобождение североамериканских колоний не только избавит Великобританию от ежегодных расходов на поддержание в них порядка, но и позволит заключить договор о свободной торговле, которая в конечном итоге обеспечит ей выгоду для большинства населения [там же. P. 109].

Хотя Киндлбергер декларативно предлагал «закрыть вопрос» [там же. P. 103], его собственные экскурсы высветили дополнительные аспекты проблемы. Свободная торговля с независимыми Соединёнными Штатами действительно повлекла лавинообразное наращивание импорта североамериканского хлопка, обеспечившего дешёвым сырьём хлопчатобумажную промышленность, «золотой век» которой начался в последние годы жизни А. Смита. Именно эта отрасль текстильного производства задала тон всему промышленному перевороту и более всего выиграла от свободной торговли. Но Смит, не раз обращаясь к другим текстильным отраслям, проигнорировал не только появившиеся ко времени первых изданий «Богатства народов» эпохальные технологические инновации в хлопчатобумажной промышленности, но и историю протекционистских Ситцевых законов. Эти законы были отменены незадолго до выхода книги Смита, однако сыграли в XVIII в. роль мощного стимула для выращивания английского бумагопрядения и хлопчаточества до внедрения машин.

Эта роль была в своё время подчёркнута Фридрихом Листом, упрекавшим английскую школу «космополитической экономии» в замалчивании замечательных результатов применения протекционной системы в самой Англии [List, 1856. P. 208], а Адама Смита — в «твердолобом мнении» о Навигационном акте и Метуэнском трактате, сыгравших столь большую роль в расцвете британской коммерции [там же. Pp. 118–120]. Киндлбергер не упоминал Листа, однако именно на примерах Навигационного акта и Ситцевых законов признал, что Смит «не оценил, насколько успехи в торговле и промышленности в Британии были результатом вмешательства в экономический процесс в противовес простой и незамысловатой системе естественной свободы». Особенно интересно замечание Киндлбергера, что во времена профессорства Смита Глазго процветал благодаря монополии на импорт табака из Вирджинии и Мэриленда; после потери этой монополии (в 1776!) для города настали трудные времена [Kindleberger, 1990. P. 111].

Опровергал Киндлбергер, как ранее Ф. Лист, и демагогию Смита по поводу Навигационного акта, который якобы не принёс выгод внешней торговле Англии, но был мудрым, поскольку-де «оборона гораздо важнее, чем богатство» [Смит, 2007. С. 451]. Характеризуя приобретённые после Навигационного акта британские преимущества от подавления голландской конкуренции (включая переселение в Англию голландских про-

мышленников), Киндлбергер вместе с тем соглашался с историком англо-голландских отношений, профессором Шеффилдского университета Кеннетом Хейли (1920–1997), что голландское судостроение в XVII в. было бы лучшей иллюстрацией разделения труда, чем знаменитый смитовский пример с изготовлением булавок [Kindleberger, 1990. P. 118]. В годы наиболее успешного противостояния Республики Соединённых провинций Северных Нидерландов английской агрессии (1666–1667) разделение труда на верфях в Саардаме (именно в этом городе позднее обучался корабельному делу создатель русского флота и Российской империи «царь-плотник» Петр I) позволяло выпускать по кораблю в день.

Изощённое разделение труда и ветромеханизация как его мощное дополнение, наряду с превосходством в торговом мореплавании и другими достижениями «золотого» XVII в. Нидерландов дают основание современным исследователям рассматривать Республику Соединённых провинций как первую державу-гегемона сформировавшейся капиталистической мир-системы [Валлерстайн, 2001. С. 98; 2016. С. 41–86], «первую современную экономику» [De Vries, Van der Woude, 1997] и страну-зачинателя инновационной синергии [Райнерт, 2011. С. 123–126]. Современные авторы, однако, упускают из виду автора XVII в., который достаточно систематично проанализировал причины торгово-мануфактурного расцвета Северных Нидерландов, включая изощённое разделение труда в кораблестроении. Этот автор — Уильям Петти.

«Политическая арифметика» Петти и «Богатство народов» Смита как начало и завершение политэкономии мануфактурного периода

В одной из статей журнала отмечалось, что в противоположность понятию «классическая политическая экономия» в историко-научной литературе не утвердилось понятие «политическая экономия мануфактурного периода» [Гловели, 2020. С. 77]. Хотя К. Маркс отмечал, что именно в этот период возникла политэкономия как самостоятельная отрасль науки [Маркс, 1988. С. 377]. Поскольку «отцом политической экономии» Маркс называл У. Петти, отсчёт политэкономии мануфактурного периода логично вести именно от Петти. Более того, в целом ряде аспектов анализ автором «Политической арифметики» мануфактурного разделения труда гораздо содержательнее, чем у А. Смита век спустя.

Кстати, знаменитый пример Смита с булавками опровергает комплиментарное суждение вышеупомянутого М. Лернера, будто Смит, придавая в процессе написания «Богатства народов» «порядок и смысл» впечатлениям от «нового мира промышленности», продолжал не только читать, но и наблюдать дальше, «совал свой нос в старые книги и новые фабрики» [Lerner, 1937. P. VIII]. Как выяснено современными французскими историками, описание булавочной мануфактуры Смит заимствовал из «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера и других французских источников [Peaucelle, Guthrie, 2011. P. 41]. Причём основой этого описания было предприятие (в Нормандии) с технологией ручного привода, устаревшей сравнительно с английским предприятием по производству булавок, оснащённым водяным двигателем, в селе Уормли близ Бристоля [Аллен, 2014. С. 214–215].

Примеры разделения труда, которые приводил Петти веком ранее Смита в «Политической арифметике», касались ключевых отраслей передовых европейских экономик его времени — кораблестроения и сукноделия. Причём именно в них разгорелась ожесточённая конкуренция соотечественников Петти с нидерландцами. Производство сукна, отмечал Петти, своим удешевлением обязано разделению на операции, когда один работник расчёсывает шерсть, другой прядет, третий ткёт, четвертый красит, пятый отделяет, шестой прессует и упаковывает и т.д. [Петти, 1940. С. 165]. И (несмотря на уже почти двухвековой протекционизм, начиная с первого Тюдора [Райнерт, 2011. С. 109–110]) первенство в суконном промысле благодаря дешевизне удерживали голландцы [Петти, 1940. С.41].

Но гораздо более впечатляющим выглядело их превосходство в кораблестроении, судоходстве и морских промыслах, обеспеченное изготовлением кораблей специальных видов (Петти перечислил порядка 20) для разных видов плавания и дальней торговли [Петти, 1940. С. 165–166].

Заметим, что ещё в начале XIX в. лорд Лодердейл (1879–1819), отвергая «суеверное преклонение перед Смитом», поставил под сомнение приоритет Смита в «открытии» разделения труда, указав на описания этого процесса в «Киропедии» Ксенофонта и в «Опытах о деньгах и монетах» английского астронома-навигатора, натурфилософа и мастера Королевского монетного двора Джона Харриса (1704–1764) [Шторх, 2008. С. 766]. Современные неолибералы склонны усматривать истоки размышлений Смита о разделении труда в «Басне о пчёлах» циника Б. Мандевиля (1670–1733), которого Смит пожурил за «легкомыслие» в «Теории нравственных чувств», но не стал упоминать в «Богатстве народов» [Розенберг, 2009. С. 269].

Но К. Маркс, отмечавший, что «Адам Смит не выставил ни одного нового положения относительно разделения труда» [Маркс, 1988. С. 361], ещё в работе «К критике политической экономии» веско указал, что У. Петти раскрыл значения разделения труда «как производительной силы, и притом в более обширном плане, чем Адам Смит» [Маркс, 1959. С. 39]. В «Капитале» же при развёрнутой характеристике мануфактурного разделения труда Маркс привёл в качестве образца часовое производство. Следуя примеру Петти, который в дополнениях к «Политической арифметике» возлагал главные надежды в видах увеличения английских экспортных доходов от мануфактурных изделий именно на углубление разделения труда в изготовлении часов, если «один человек будет делать колёсики, другой — пружину, третий — гравировать циферблат, а четвёртый — делать коробку» [Петти, 1940. С. 231].

Акцент на часовом производстве (притом английском!) примечателен не только как свидетельство того, что о члене Лондонского Королевского общества Петти с гораздо большим основанием, чем о профессоре Смите, можно сказать, что он «совал нос» в новые явления мануфактурного мира. В год завершения Петти рукописи «Политической арифметики» произошло два замечательных события в истории английского часостроения (*clockmaking*). С одной стороны, была воздвигнута королевская обсерватория в Гринвиче с маятниковыми часами, сконструированными «отцом английского часостроения» Томасом Томпионом (1639–1713). Обсерватория и её часовые механизмы были поставлены на службу британской навигации [Пиунуров, 1982. С. 221]. С другой стороны, приходской священник из Ланкашира и математик Эдвард Барлоу (1639–1719) изобрёл карманные часы с боем [Шторх, 2008. С.309; Пиунуров, 1982. С. 264].

Разумеется, совпадение названных инноваций с завершением «Политической арифметики» У. Петти, бывалым моряком (убеждённым, что мореходство — самая полезная из профессий) и отчасти механиком-изобретателем — случайность, но этого уже нельзя сказать о внимании к часовой мануфактуре в дополнениях к «Политической арифметике» (1682). Причём в прямой связи с разделявшейся Петти до конца жизни доктриной активного торгового баланса (озабоченность ростом доходности английского экспорта). И вспоминая цитированных выше современных французских «геополитиков от меркантилизма», можно согласиться, что, если не модель, то понимание выгоды специализации на промышленных товарах с высокой добавленной стоимостью присутствует в рекомендациях Петти по увеличению в английских портовых городах количества часовых и других мануфактур в видах возрастания экспортных доходов, равно как и в его анализе конкурентных преимуществ Голландии от близости всех её предприятий к водным коммуникациям [Петти, 1940. С. 162, 231].

Несомненно также, что и настойчивое проведение У. Петти количественного подхода к экономике (языка «чисел, мер и весов»), и новый этап в развитии часостроения (связанный с внедрением маятниковых часов после изобретения великого голландца Христиана

Гюйгенса (1629–1695), первого иностранного члена (1663) Лондонского Королевского общества, и разработки им же математической теории маятника) выражали дух научной революции XVII в. — проникновение в сущность вещей посредством новых инструментов и математических расчётов.

Производство часовых механизмов занимало особое место, с одной стороны, в процессе совершенствования учёными XVII в. приборов для точных измерений в расширяющемся охвате исследуемых объектов, с другой стороны, в мануфактурном производстве товаров для расширяющегося потребительского спроса. То и другое не только делало часостроение сферой техники с наибольшим числом улучшающих инноваций, но и привносило в производство принцип автоматического действия, который станет решающим в переходе от мануфактурных технологий к машинным.

К. Маркс отмечал, что применение машин в XVII в., хотя и было лишь спорадическим, сыграло очень важную роль тем, что «дало великим математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики» [Маркс, 1988. С. 361]. Чутко уловивший дух механических усовершенствований У. Петти выделил самую инновационную мануфактуру своего времени — часовую — как пример разделения труда, обеспечивающего удешевление товаров и улучшение их качества. А. Смит отводил применению машин всё ещё второстепенную роль рядом с разделением труда, поэтому Маркс и характеризовал Смита как «обобщающего экономиста мануфактурного периода». Но Смит, не оценивший внедрения конкретных машин, положивших начало промышленной революции, тем не менее подчеркнул в своём анализе разделения труда в первой главе «Богатства народов», что производство машин сделалось особой отраслью, и усовершенствования в них произведены не только изобретательными машиностроителями, но и учёными-теоретиками, которые в состоянии комбинировать силы наиболее отдалённых друг от друга и несходных предметов [Смит, 2007. С. 74].

Часостроение — побочный продукт научной революции и источник человеческого капитала для промышленной революции

Англоязычные историки в течение XX в. не раз обращались к вопросу, насколько корректно говорить о том, что «промышленная революция восемнадцатого века последовала за научной революцией семнадцатого столетия» [Dewey, 1915. P. 6]. В целом ответы были отрицательными. Родоначальник социальной истории и философии науки, видный физик и политик-марксист Джон Д. Бернал (1894–1971) в фундаментальном исследовании «Наука в истории общества» (1954) пришёл к выводу, что «промышленная революция в начальных стадиях своего развития не являлась плодом каких-либо достижений науки; творцами её были ремесленники-изобретатели, чей успех обуславливался исключительно благоприятными экономическими условиями» [Бернал, 1956. С. 291]. Схожую позицию [Hall, 1974] занимал и другой крупнейший английский науковед А. Руперт Холл (1920–2009), автор первого капитального труда, специально посвященного научной революции [Hall, 1954].

Противоположный — положительный — ответ, причём ещё до того (!), как был поставлен вопрос, — дал российский представитель исторической школы в политэкономии Иосиф Михайлович Кулишер (1878–1933). Стоит заметить, что хотя Кулишер целый ряд работ опубликовал на немецком и французском языках, а его обобщающий труд по истории экономического быта Западной Европы был переведён не только на немецкий, но и ещё на несколько языков, включая японский, английского перевода не появилось. Более же ранняя работа Кулишера, ставшая и в России библиографической редкостью, почти выпала из научного оборота, хотя и была принята во внимание виднейшим историком часостроения В.Н. Пипуныровым (1902–1993).

В этой работе И.М. Кулишер осветил значение, которое для инноваций в ведущей отрасли промышленной революции в Англии — хлопчатобумажной — имело владение навыками часового мастерства. А часостроение после Х. Гюйгенса (приоритет которого в изобретении маятника оспаривали часовщики Лондонского Королевского общества) стало производством точных приборов, основанных на достижениях математики и физики и служащих науке [Кулишер, 1908. С. 32–33]. Таким образом, посредством часового дела произошло «схождение» фундаментальной науки в зарождающееся крупное машинное производство.

Вывод Кулишера находит подтверждение в недавних исследованиях профессора Оксфордского университета Роберта Аллена, не знающего о своём российском предшественнике. В своей новой концепции британской промышленной революции и её глобального значения Аллен показал, что превращению графства Ланкашир в эпицентр машинных инноваций в хлопчатобумажной промышленности предшествовала концентрация английского часостроения в южной части этого северо-западного региона Англии. Причём мануфактурное производство в Ланкашире карманных часов улучшенных конструкций стало быстро расти после изобретения членом Лондонского Королевского общества Робертом Гуком (1635–1703) машины для вырезания шестерней, а не утихавший несколько десятилетий и поощряемый не только Лондонским Королевским обществом, но и британским парламентом интерес к созданию навигационного прибора, позволяющего точно определять долготу в открытом океане, позволил сохранить связи между сливками научного сообщества и мастерами-часовщиками [Аллен, 2014. С. 296, 362].

Аллен, а также автор концепции «революции трудолюбия» Я. де Фрис, акцентировали и другой аспект расцвета часовой мануфактуры как фактора того, почему именно в Англии произошла промышленная революция: а именно, на роли внутреннего спроса благодаря высокой сравнительно с другими странами (за исключением Нидерландов) заработной плате. Она способствовала расширению внутреннего рынка на карманные и маятниковые часы, превратившиеся в предмет довольно широкого потребления [Аллен, 2014. С. 298; Фрис, 2016. С. 18]. Рост внутреннего спроса поддерживал часостроение, формировавшее навыки механического мастерства и углублявшее специализацию в производстве инженерных компонентов, необходимых для конструирования и налаживания первого станочного оборудования [Аллен, 2014. С. 295, 297].

Анализ Алленом английской часовой мануфактуры как побочного продукта научной революции и необходимой предпосылки промышленной революции представляет дополнительный интерес в контексте одного из противоречий политической экономии Адама Смита. Противоречие состоит в том, что Адам Смит, первым чётко определив структуру капитала, с одной стороны, включил в состав капитала, причём основного капитала, «приобретённые и полезные способности всех жителей и членов общества» — наряду с оборудованием, постройками и земельными улучшениями [Смит, 2007. С. 294]. Современные теоретики отождествляют этот четвёртый (по Смиуту) компонент основного капитала с человеческим капиталом [Blaug, 1985. P. 53]. С другой стороны, из учения Смита о производительном и непроизводительном труде следует, что труд, затраченный на передачу технических знаний, непроизводителен [Blaug, 1994. P. 55], как и другие виды труда, прямо или косвенно связанные с формированием именно этого компонента основного капитала.

В недавней статье мы подчёркивали связь учения о производительном и непроизводительном труде с критическим зарядом А. Смита по отношению к сословному государству и традиционным иерархиям [Гловели, Минаева, 2023. С. 38]. Следовало бы добавить: «и корпорациям». Примечательно, что пронизывающий «Богатство народов» протест Смита против корпоративных стеснений в промышленности, особенно против английского Статута об ученичестве, был ярче всего проиллюстрирован именно примером изготовления карманных и стенных часов как «специальности, стоящей гораздо выше обычных

ремесел». В своём отрицании «института продолжительного ученичества» Смит полагал, что для передачи молодому работнику знаний о часовых механизмах и навыков пользования инструментами для изготовления этих механизмов потребуется не более нескольких недель, а то и нескольких дней. Хотя признавал, что «первоначальное изобретение этих прекрасных механизмов и даже некоторых из инструментов, употребляемых при изготовлении их, было плодом глубокой мысли и продолжительного времени, и его справедливо следует считать одним из самых счастливых результатов человеческой изобретательности» [Смит, 2007. С. 169].

Таким образом, несмотря на полемические перехлёсты учения о производительном и непроизводительном труде, Смит, очевидно, осознавал не только значение навыков именно в часовом мастерстве для промышленного прогресса в целом, но и роль теоретического знания («глубокой мысли») в развитии этого мастерства. Примечательно в этой связи, что философское эссе Смита по истории астрономии⁵ заканчивается тем, что «принципы сэра Исаака Ньютона не только наилучшим образом связывают вместе все небесные явления», но «также настойчиво двигают вперед индустрию и приводят к появлению более совершенных инструментов» [Смит, 2016. С. 985]. Добавим, что младший современник У. Петти и главное светило Лондонского Королевского общества И. Ньютон на протяжении всей своей деятельности как учёного и члена парламента интересовался пользой маятниковых часов для определения градуса долготы при дальней навигации [Гессен, 1933. С. 26, 30]. Он входил в состав комиссии по принятию «Билля о долготе» (1714), стимулировавшего изобретение часовщиком Джоном Гаррисоном морского хронометра, столь важного для британского флота [Пипуныров, 1982. С. 295–308]. А ньютоновскую картину мироздания венчала фигура Всевышнего, время от времени подправляющего ход вселенских часов (что возмущало главного научного соперника Ньютона и теолога-монадолога Г. В. Лейбница, не допуская, что Творец, вместо того, чтобы раз и навсегда предустановить гармонию, «должен быть тем более неискусным мастером, чем чаще он обязан поправлять свою работу и приводить её в порядок») (цит. по: [Гессен, 1933. С. 76]).

У. Петти восхвалял всеобщность изучения «искусства чисел, мер и весов» в Голландии его времени [Петти, 1940. С. 166]. Английские купцы-пуритане отправляли своих детей учиться математике в нидерландские школы [Taylor, 2023. С. 44]. Ко временам А. Смита рост арифметической грамотности населения Англии в XVIII в. дополнял накопление человеческого капитала, стимулированное такими «высокими технологиями» мануфактурного периода, как навигация и часостроение. Прослойка часовщиков и инструментальщиков в составе рабочей силы стала опорой для новаторов, превращавших модели и проекты в действующие машины и агрегаты. Наладка, контроль над применением и необходимый время от времени ремонт внедряемых машин требовали навыков, которые могли быть только у мастеров, освоивших передовую технологию часового производства. И оно же только и могло дать необходимые для первых машин инженерные компоненты [Аллен, 2014. С. 295]. Для внедрения механических инноваций требовались квалифицированные мастера, способные точно измерять и изготавливать необходимые детали, читать чертежи и рассчитывать скорость, знающие взаимозависимости частей и допустимые отклонения [Мокир, Фохт, 2013. С. 56]. Таким образом, усовершенствование часового дела под воздействием достижений научной революции способствовало накоплению человеческого капитала для промышленной революции — формированию квалифицированных кадров, обеспечивших прорывные технологические инновации.

⁵ Шумпетер назвал это эссе жемчужиной, без которой невозможно оценить интеллектуальную значимость Смита [Schumpeter, 1954. P. 177].

Формирование английской классической политэкономии в мир-системной ретроспективе

Превосходства ланкаширского часостроения над французским, упрочившегося благодаря более широкому внутреннему спросу в Англии, конечно, недостаточно для объяснения того, почему именно Британия преуспела в прорыве в индустриальную цивилизацию. Р. Аллен, как и автор получившей известность концепции «Великой дивергенции» Кеннет Померанц, придают решающее значение самой дешёвой в мире энергии, которую обеспечили Англии богатые залежи каменного угля, сделавшие только в этой стране коммерчески оправданным внедрение машин и оборудования на минеральном топливе [Аллен, 2014. С. 156–157; Померанц, 2017. С. 14–15].

Ещё во времена Петти поэт Дж. Кливленд призывал «исправить карты», обозначив [Вест-]Индию внутри «английского мира»: «Ньюкасл — это Перу» (цит. по: [Бродель, 1992. С. 570]). Использование каменного угля из Ньюкаслского бассейна в северо-восточном приморском регионе страны неуклонно расширялось при Елизавете и первых Стюартах. В оптимистической главе «Политической арифметики» о росте богатства Англии за 40 лет У. Петти подчёркивал и удвоение потребления каменного угля [Петти, 1940. С. 198]. Но, как отметил Ф. Бродель, тогдашний английский промышленный подъём с такой самобытной чертой, как рост использования каменного угля, не затронул ключевых отраслей: сукноделия, обеспеченного водяной силой в сельской местности, и металлургии, поскольку до 1750 г. применение для доменной плавки древесного топлива было менее затратным сравнительно с минеральным [Бродель, 1992. С. 571]. И А. Смит, отмечавший вдвое-втрое более высокую плату ньюкаслских углекопов и четверо-впятеро — лондонских грузчиков каменного угля сравнительно с простыми чернорабочими, а также то, что каботажная доставка каменного угля из Ньюкасла в Лондон даёт работу вдвое большему числу судов, чем вся (!) внешняя транзитная торговля Англии [Смит, 2007. С. 151–152, 374], при перечислении профессий, участвующих в изготовлении ножниц пастуха для стрижки овец, называет угольщика, доставляющего древесный уголь для плавильной печи [Там же. С. 75].

Применение паровых двигателей к ткацким станкам и доменным печам открыло «золотой век» британской промышленности [Тойнби, 1898. С. 208] и превратило тем самым минеральное топливо в важнейший ресурс для технологий общего назначения, которые могут применяться в самых разных сферах для достижения различных целей [Аллен, 2013. С. 59]. А. Смит этого переворота, начавшегося незадолго до его смерти, не заметил. Но, обосновывая превосходство «системы естественной свободы», Смит был убеждён, что Англия «естественно» предназначена быть средоточием заморской торговли и промышленности, совершенствующейся благодаря отдалённым рынкам [Смит, 2007. С. 414]. Как веком ранее «политический арифметик» Петти, не внушавший доверия Смиту, был убеждён, что для подданных английского короля достижимо захватить контроль над движением всего коммерческого мира [Петти, 1940. С. 240].

Для превозносивших в XIX в. Смита историков политической экономики и промышленной революции стало очевидным превращение Англии в «беспредельную мануфактуру» и «всемирную торговую контору», чему природа способствовала не только протяжённостью морского побережья, позволившего иметь более ста превосходных портов для внешней торговли, но и изобилием каменного угля и железа в недрах [Бланки, 1869. С. 208].

Две ключевые проблемы такого превращения заключались в росте новых неравенств: между классами и между странами. Смит протестовал против «неравенств, вызываемых вмешательством государства» (отдел II главы X книги I «Богатства народов»). Тем, кто признал политическую экономию Смита истинной наукой, пришлось искать объяснений новых неравенств, порожденных безграничной конкуренцией и зияющих «грозными формами пауперизма» [Бланки, 1869. С. 39–46, 97, 108]. Смит также указывал на

«нищенскую Польшу», «регресс Португалии» и отсталость «татар в современной Украине» в ремёслах, земледелии и торговле [Смит, 2007. С. 271, 238–239], но не связывал упадок португальской промышленности и хозяйственную деградацию распадавшейся феодальной Речи Посполитой с их вовлечённостью в свободную международную торговлю с северо-западными государствами.

Разительным противоречием в учении Д. Рикардо, главного теоретического наследника Смита, стало сочетание пессимизма в трактовке классового неравенства и раздора (социалисты позаимствовали у него «железный закон» минимальной зарплаты и учение о неизбежном возрастании земельной ренты и снижении нормы прибыли) и оптимизма принципа сравнительных преимуществ в свободной торговле между странами. Принципа, на который ополчился ещё Ф. Лист, но который продолжает оставаться фундаментальным не только для мейнстримной международной макроэкономики, но и для рассмотренной выше новой концепции промышленной революции [Аллен, 2013. С. 82].

В результате концепция приобретает отчасти идиллический характер. Придавая решающее значение в объяснении промышленной революции уникальному английскому сочетанию высокой заработной платы с дешёвой энергией минерального топлива (и признавая роль природного геологического преимущества), Р. Аллен заключает, что выплавка чугуна на коксе и другие (весьма разнообразные) применения энергии каменного угля, позволившие Англии оторваться в промышленном развитии от всех других стран, в XVIII в. за её пределами были нежизнеспособны [Аллен, 2014. С. 344]. Но в течение 70 лет британские инженеры сумели сократить количество всех используемых ресурсов настолько, что выплавка на каменном угле стала повсеместно выгоднее, чем на древесном. Отставшим странам «не пришлось изобретать собственную технологию, подходящую для их условий. Ирония ситуации в том, что британцы сделали это за них. Как только паровой двигатель достиг полной эффективности, его приняли на вооружение другие страны, даже те, где уголь был дорогим. Таким образом, промышленная революция распространилась по всему миру. Гений британской инженерной мысли уничтожил британское конкурентное преимущество» [Там же. С. 399]. А такие технологии, как железные дороги и пароходы, «с самого рождения были глобальными. Их было выгодно использовать во многих местах в тот же период, когда они были прибыльны в Великобритании» [Там же. С. 261].

Совсем не такая благостная картина приоткрывается на том фоне, на котором рассматривал проблему понимания или непонимания А. Смитом промышленной революции Ч. Киндлбергер. Американский макроэкономист, правда, не цитировал замечания Смита о резком возрастании потребления в Англии чая, китайского фарфора и бенгальских материй [Смит, 2007. С. 241]. Однако подчеркнул, что промышленная революция в значительной мере стала результатом поиска заменителей восточных хлопчатых тканей и фарфора. Кратко проследив взаимосвязь прогресса английского бумагопрядения и хлопчаткачества с импортозамещением ситцев и других индийских хлопчатобумажных тканей, Киндлбергер особенно выделил среди новаторов промышленной революции химика-керамиста Джозайю Веджвуда (1730–1795), которого двояким образом сопоставлял с Адамом Смитом. Во-первых, как противоположность теоретика-философа и практика-предпринимателя, а во-вторых, в контексте противопоставления производства товаров, удовлетворяющих преимущественно необходимые и привычные потребности, и товаров, спрос на продукцию которых «вызывается вообще модой или капризами потребителей» [Там же. С. 161]. Изготовление фарфора было производством второго типа. Оно было самой долгой промышленной монополией в истории, составляя более тысячи лет секрет китайского ремесла. Прервать эту монополию удалось в начале XVIII в. благодаря злополучному алхимику И.Ф. Беттгеру, пожизненно заключённому курфюрстом Саксонии в замок Альбрехтсбург на Эльбе близ Мейсена. Но полученный в своеобразной «шараге» мейсенский фарфор, как и фарфор, производимый на появившихся к середине века при-

дворных мануфактурах Аугартен (близ Вены) и Севр (близ Парижа), остался предметом роскоши, рассчитанным лишь на узкие вельможные верхушки. И лишь Веджвуд, применивший теоретические познания для экспериментов с новыми керамическими массами, превратил фарфор в товар, доступный более или менее широкому кругу потребителей с кошельками разной полноты. Причём Веджвуд разделил свой бизнес между семейной мануфактурой в родном местечке Бёрслем, производившей удешевлённую практичную посуду, и новой фабрикой «Этрурия», основанной для производства декоративной посуды и создавшей новые образцы прихотливой моды для коронованных и вельможных потребителей [Kindleberger, 1990. P. 112].

Именно Веджвуд начал и внедрение паровых машин в гончарном производстве, благодаря чему керамическая промышленность стала второй отраслью массового производства предметов потребления, перешедшей на использование минерального топлива [Манту, 1937. С. 332]. Для экспорта веджвудовского фарфора через главный восточный порт Англии Бристоль зачинатель английского каналостроительства Джеймс Бриндли вскоре построил судоходный канал Стаффордшир — Вустершир. Но керамическая промышленность с центром в графстве Стаффордшир уничтожила главное конкурентное преимущество Китая на международных рынках.

Что касается первой и ведущей отрасли промышленной революции — текстильной, то П. Манту проследил значение главных нововведений в бумагопрядении и хлопчаткачестве для замещения британским машинным производством сначала простых, а затем и более тонких (газовых) импортных тканей, производимых «сказочной искусностью» индийских ткачей [Там же. С. 195]. Тем самым было уничтожено главное конкурентное преимущество и другой крупнейшей восточной страны. Более того, индийский субконтинент превратился в крупнейший рынок для ланкаширской хлопчатобумажной промышленности.

«Это был великий поворотный пункт в мировой истории» [Хобсбаум, 1999. С. 95]. Веками Западная Европа больше вывозила с Востока, чем продавала там, с расцвета трансатлантической экспансии расплачиваясь американским серебром, что и породило «меркантильную систему» политической экономии с её первоначальной завистью к «владычице рудников» — Испанской монархии, а затем — завроженностью активным торговым балансом Голландской Республики, сохранившейся и У. Петти.

Петти проницательно охарактеризовал связь активного торгового баланса, а также промышленно-коммерческого преуспевания Голландии в целом, не только с мощью морского флота и размахом специализации в навигации и кораблестроении, но и с выгодной позицией страны в международном разделении труда (см.: [Гловели, 2021. С. 174]). Набросанная в «Политической арифметике» яркая и контрастная картина преимуществ голландцев от «переложения» наиболее обременительных и наименее прибыльных отраслей на отсталых соседей не совпадала с той, которую дал в своей записке Людовику XIV и Кольберу нидерландский посланник при французском дворе Питер де Гроот (1615–1678). Сын знаменитого теоретика естественного права Гуго Гроция пытался убедить агрессивных врагов своего государства, что Творец в Своём всепремудром Промысле создал природу «в таком многообразии видов почвы и климата, при котором каждая страна владеет чем-то особенным, чего недостает другой стране, что даёт стимул к обмену своего избыточного на ей недостающее, порождая потребность во всеобщем и взаимном обмене, который мы называем торговлей». И «те, кто облегчают эту торговлю, одновременно прокладывают пути, благодаря которым народы станут счастливыми и довольными» (цит. по: [Онкен, 2018. С. 23]).

Публикуя в 1887 г. отрывки из этого документа, швейцарский историк «политэкономии до Адама Смита» А. Онкен (1844–1911) находил в них первое применение принципа международного разделения труда в интересах свободы торговли, вспоминая Р. Кобдена (1804–1865), ситцевого фабриканта, снискавшего всемирную известность во главе англий-

ского политического фритредерства. Это движение (манчестерство) развернулось под лозунгом *laissez-faire* и апеллировало к учению Смита — Рикардо как к своей теоретической основе.

Онкен мог бы добавить, что А. Смит, развеявший доктрину торгового баланса, в своей аргументации о преимуществах международного разделения труда, по сути, повторил аргументы голландского юриста-политика. Зато Рикардо обеспечил практических поборников свободы торговли гипотетико-дедуктивным принципом сравнительных преимуществ, будто бы обеспечивающих «взаимообмен обоюдных и эквивалентных выгод», как сформулировал начавший практическую реализацию фритредерства министр-тори У. Хаскиссон (цит. по: [Бродель, 1992. С. 598]).

К. Маркс, в молодости презрительно отозвавшийся о Ф. Листе как критике английской фритредерской школы [Маркс, 1974. С. 232–237], позднее отказался выводить из трудовой теории ценности Д. Рикардо принцип эквивалентности в свободной торговле между странами с различным уровнем богатства [Ольсевич, 1967], а в своём главном труде подчеркнул последствия британского фритредерского доминирования для поверженной и превращённой в сырьевой придаток Индии. «Дешевизна машинного продукта и перевоз в средствах транспорта и связи служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая там ремесленное производство, машинное производство принудительно превращает эти рынки в места производства соответствующего сырого материала. Так, например, Ост-Индия была вынуждена производить для Великобритании хлопок, шерсть, пеньку, джут, индиго» [Маркс, 1988. С. 461].

Критика «псевдотеоремы» Рикардо стала краеугольным камнем для миро-системного анализа. Ф. Бродель отметил, что Португалия, вопреки знаменитому искусственному примеру Рикардо с четырьмя числами, развивалась в направлении, противоположном процветанию, отказавшись под воздействием Метуэнского договора от поощрения собственной текстильной промышленности с Англией (чья мануфактурная продукция наводнила Португалию — пример пагубности свободной торговли малоразвитой страны с передовой, приводимый ещё Ф. Листом [List, 1856. P. 132]). Якобы «взаимовыгодный» обмен португальской продукции первичного сектора (вино) на британскую продукцию вторичного сектора (сукно и другие промтовары) был усугублением неравенства, созданного долговременными структурными реальностями (цит. по: [Бродель, 1992. С. 43–44]).

Обоснованная Иммануилом Валлерстайном (1930–2019) концепция современной капиталистической мир-системы с тремя ярусами (ядро, полупериферия и периферия) и сменой держав-гегемонов была, по словам учёного, вполне справедливо встречена как «внушительная попытка опровержения», казалось бы, незыблемого закона сравнительных преимуществ Рикардо — ключевой предпосылки макроэкономического мэйнстрима [Валлерстайн, 2015. С. XXII]. Определив предмет своего исследования, как исторический капитализм в динамике, Валлерстайн обосновал новую концепцию меркантилизма, убедительно показавшую, в частности, почему для меркантилистской литературы — как «ядерной» приатлантической, так и периферийной восточно-европейской — образцом для подражания, эталонной страной была Республика Соединённых провинций Северных Нидерландов (Голландия), первая держава-гегемон мир-системы. Никто не охарактеризовал эту эталонную страну столь ярко и не высказал в связи с этим столько перспективных аналитических идей (вплоть до предвосхищения «ромба национальной конкурентоспособности»), как У. Петти, пожалуй, недооценённый И. Валлерстайном [Гловели, 2021].

Ещё одно интересное обобщение Валлерстайна: державы-гегемоны склонны выступать сторонниками глобального «либерализма», свободного движения товаров, капитала и труда [Валлерстайн, 2001. С. 99]. У Петти, провозвестника в политэкономии количественного подхода научной революции XVII в., нет идей о взаимовыгодности и свободе торговли, высказывавшихся его голландскими современниками вроде вышеупомянутого Питера де

Гроота или другого Питера — де ла Кура (1618–1685). Привнося с помощью «политической арифметики» в изучение экономики представления о «естественных законах», рождённые научной революцией, Петти оставался приверженцем доктрины торгового баланса, аргументировавшим, что его Англия сможет превзойти Нидерланды в могуществе флота и коммерции.

А. Смит разрабатывал своё учение о «системе естественной свободы» и категориальный аппарат политической экономии, когда это опережение состоялось. Голландия ещё слыла богатейшей страной Европы, но уже утратила (не в последнюю очередь, под прямыми военными и протекционистскими ударами французов и англичан⁶) мир-системную гегемонию, а Англия в борьбе за эту гегемонию уже одерживала верх над соперницей-Францией за счёт не только достигнутого перевеса в «подвижном составе океана» (флоте) и торговле на дальние расстояния, но и уплотнения сети внутренних перевозок. Смит не мог не ощущать значения этого уплотнения, пусть в «Богатстве народов» и нет упоминаний о строительстве конкретных каналов и шоссе. Но мысль о снижении издержек благодаря хорошим средствам сообщения, особенно водным, повторяется часто, хотя умаление выгоды транзитной торговли неубедительно.

Закрепление английской мир-системной гегемонии произошло после поражения Франции в наполеоновских войнах и перехода ключевых отраслей британской промышленности к крупному машинному производству на основе паровых двигателей. Именно в это время успешный биржевой делец Д. Рикардо (сын сефарда, перенёвшего семейный бизнес из Голландии в Лондонский Сити) демонстрирует силу дедуктивного метода в политэкономии и становится признанным лидером английской экономической школы. А. Смит заложил основы экономического либерализма, когда торжество британской гегемонии было уже близко; когда оно наступило, и Англия стала единственной великой индустриальной державой, идеология экономического либерализма (манчестерства), олицетворяемая Рикардо и Кобденом, приобрела глобальное влияние.

Атрибутом этой идеологии было учение об универсальных «естественных законах» экономики без учёта обстоятельств места и времени: черты, которые историческая школа стала порицать как «космополитизм» и «перпетуализм», а марксистская «критика политической экономии» стремилась трансформировать с помощью философской диалектики и классового подхода.

Можно утверждать, что этот универсализм политической экономии, которую К. Маркс назвал классической, был одним из проявлений того «лидерства в структурах знания», которое И. Валлерстайн считает обязательным для державы-гегемона [Валлерстайн, 2016. С. XXVII] и которое в XX в., при новой державе-гегемоне, США, проявилось в вытеснении англоязычным мейнстримом национальных экономических школ континентальной Европы. Можно также предположить, что современное положение глобального английского как международного научного языка делает гораздо более турбулентным нередко отмечаемый сегодня процесс «назревания смены» гегемона в мировой экономике, побудивший ещё одного представителя школы мир-системного анализа, Джованни Арриги (1937–2009), оставить своеобразное завещание-трактат с провокационным заглавием [Арриги, 2009].

⁶ Этот факт подчёркивал, между прочим, А. Маршалл, говоря, что Голландия пострадала от коммерческой зависти со стороны Англии и неумных военных амбиций Франции [Маршалл, 1993. С. 164–165].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аллен Р. (2014). *Британская промышленная революция в глобальной картине мира*. [Allen R. (2014). The British Industrial Revolution in Global Perspective]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Аллен Р. (2013). *Глобальная экономическая история*. [Allen R. (2013). The Global Economic History]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Ананьин О.И. (2023). Как возникла экономическая наука: конкурс проектов [Ananyin O.I. (2023). How Has Economic Science Emerged: a Competition of Blueprints] // Вопросы экономики. № 3. С. 5–23.
- Арриги Дж. (2009). Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век [Arrighi G. (2009) Adam Smith in Beijing. What the XXI Century Inherited]. — М.: Институт общественного проектирования.
- Бармин А.Г. (1931). *Изобретение Гемфри Поттера*. [Barmin A.G. (1931). The Invention of Humphrey Potter]. — М.: ОГИЗ.
- Бернал Дж.Д. (1956). *Наука в истории общества*. [Bernal J. D. (1956). Science in the History of Society]. — М.: Изд-во иностранной литературы.
- Бланки Ж.А. (1869). *История политической экономии в Европе*. Том 2 [Blanqui J.-A (1869). History of Political Economy in Europe. Vol. 2]. — СПб.: Тип. Н.И. Глазунова.
- Блауг М. (2005). *Сто великих экономистов до Кейнса*. [Blaug M. (2005). 100 Great Economists before Keynes]. — СПб.: «Экономическая школа».
- Бри М. (2020). *Стать социалистом. Фридрих Энгельс в Манчестере и Бармене (1842–1845)*. [Brie M. (2020). Sozialist-Werden. Friedrich Engels in Manchester und Barmen. 1842–1845]. — М.: ООО «НПТ», Лорос.
- Бродель Ф. (1992). *Материальная цивилизация, экономика и капитализм*. Т. 3. *Время мира*. [Braudel F. (1992). Material Civilization, Economy and Capitalism. Vol. 3. Le Temps du Monde]. — М.: Прогресс.
- Брюне А., Гишар Ж.-П. (2012). *Геополитика меркантилизма*. [Brunet A., Guichard R. (2012). Geopolitics of Mercantilism]. — М.: Новый хронограф.
- Валлерстайн И. (2001). *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. [Wallerstein I. (2001). World-Systems Analysis and a Situation in Modern World]. — СПб.: Университетская книга.
- Валлерстайн И. (2015). *Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке*. [Wallerstein I. (2015). The Modern World-System. Vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century]. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Валлерстайн И. (2016). *Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и европейская консолидация европейского мира-экономики (1600–1750)*. [Wallerstein I. (2016). The Modern World-System, vol. II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750]. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Гельд А. (1899). *Развитие крупной промышленности в Англии*. [Geld A. (1899). The Development of Large-Scale Industry in England]. — СПб.: Тип. А. Пороховщикова.
- Гессен Б.М. (1933). *Социально-экономические корни механики Ньютона*. [Hessen B.M. (1933). Social and Economic Roots of Newtonian Mechanics]. — М.-Л.: Государственное технико-теоретическое издательство.
- Гловели Г.Д. (2020). Дилеммы политэкономии мануфактурного периода [Gloveli G.J. (2020). Dilemmas of the Political Economy of the Manufacturing Period] // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 77–91.
- Гловели Г.Д. (2019). Индустриализм и линии раскола в политической экономии [Gloveli G.J. (2019). Industrialism and the Lines of Rift in Political Economy] // Вопросы политической экономии. № 4. С. 78–93.
- Гловели Г.Д. (2021). Меркантилизм, мир-системная гегемония и протоанализ национальной конкурентоспособности [Gloveli G. J. (2021). Mercantilism, the World-Systemic Hegemony and Protoanalysis of National Competitiveness] // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3(51). С. 163–194.
- Гловели Г.Д., Минаева Е.А. (2023). Критическое и некритическое смитианство Генриха Шторха, или Десница и шуйца «системы естественной свободы» [Gloveli G.J., Minaeva E.A. (2023). The Critical and Non-Critical Smithianism of Heinrich Storch, or the Desnitsa and Shuitsa of the «System of Natural Freedom»] // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 32–45.
- Жид Ш., Рист Ш. (1918). *История экономических учений*. [Gide Ch. & Rist Ch. (1918). A History of Economic Doctrines]. — М.: Свобода.
- Кулишер И.М. (1908). *Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе*. Том 2. [Kulisher I.M. (1908). Evolution of Return on Capital Due to Development of Industry and Commerce in Western Europe. Vol. 2]. — СПб.: Тип.-Лит. А.Г. Розена.
- Кэрнс Дж.Э. (2013). Очерки политической экономии (теоретические и прикладные аспекты). Гл. 7. Политическая экономия и laissez-faire [Cairns J. E. (2013). Essays on Political economy (theoretical and applied aspects). Chapter 7. Political Economy and laissez-faire] // Экономическая политика. № 6. С. 186–205.
- Мак-Куллох Дж.Р. (1834). *О начале, успехах, особенных предметах и важности политической экономии*. [McCulloch J. R. (1834). A discourse on the rise, progress, peculiar objects and importance of political economy]. — М.: тип. Августа Симена при Имп. Медико-хирургической академии.
- Манту П. (1937). *Промышленная революция XVIII столетия в Англии*. [Mantoux P. (1937). La Révolution industrielle au XVIIIe siècle. Essai sur les commencements de la grande industrie moderne en Angleterre (in French)]. — М.: Соцэкгиз.

- Маркс К. (1959). К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 13. [Marx K. (1959). A Contribution to the Critique of Political Economy // K. Marx, F. Engels Collected Works. Vol. 13]. — М.: Политиздат. С. 1–103.
- Маркс К. (1988). *Капитал*. Т. 1. [Marx K. (1988). Capital. Vol. 1]. — М.: Политиздат.
- Маркс К. (1974). О книге Фридриха Листа «Национальная система политической экономии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Том 42. [Marx K. (1974). About Friedrich List's book «The National System of Political Economy» // K. Marx, F. Engels Collected Works. Vol. 42]. — М.: Политиздат. С. 130–142.
- Маршалл А. (1993). *Принципы экономической науки*. Т. III. [Marshall A. (1993). Principles of Economics. Vol. III]. — М.: Прогресс.
- Милютин В.А. (1847). Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции [Milyutin V.A. (1847). Proletarians and Pauperism in England and France] // *Отечественные записки*. Т. L. Отдел II.
- Мокир Дж., Фотх Г.-И. (2013). *Экономический рост в Европе в 1700–1870 гг.: теория и фактические свидетельства* // *Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени*. Т. 1: 1700–1870 [Mokyr J., Voth H.-J. (2013). Economic Growth in Europe in 1700–1870: Theory and Factual Evidence // Cambridge Economic History of Modern Europe. Vol. 1. 1700–1870]. — М.: Издательство Института Гайдара. С. 17–74.
- Мэддисон Э. (2012). *Контуры мировой экономики. 1-2030* [Maddison A. (2012). Contours of the World Economy. 1-2030 AD]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Ольсевич Ю.Я. (1967). Критика К. Марксом теории международного обмена Д. Рикардо [Olsevich Yu.Ya. (1967). K. Marx's Criticism of the Theory of International Exchange by D. Ricardo] // *Экономические науки*. № 5. С. 75–84.
- Онкен А. (2018). *Невмешательство и свобода торговли. История максимы Laissez faire et laissez passer* [Onken A. (2018). Non-Interference and Free Trade. The History of Maxim Laissez Faire et Laissez Passer]. — М.: Челябинск: Социум.
- Оствальд В. (1910). *Великие люди*. [Ostwald V. (1910). Great People]. — СПб.: Вятское книгоиздательское товарищество.
- Петти У. (1940). *Экономические и статистические работы*. Т. I–II. [Petty W. (1940). Economic and Statistic Works]. — М.: Соцэкгиз.
- Пипуныров В.Н. (1982). *История часов с древнейших времен до наших дней*. [Pipunurov V.N. (1982). The History of Watches from Ancient Times to the Present Day]. — М.: Наука.
- Померанц К. (2017). *Великое расхождение*. [Poteranz K. (2017). The Great Divergence]. — М.: ИД «Дело».
- Птуха М.В. (1945). *Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков*. [Ptukha M.V. (1945). Essays on the History of Statistics of the XVII–XVIII centuries]. — М.: Госполитиздат.
- Райнерт Э. (2011). *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными*. [Reynert E. (2011). How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor]. — М.: ИД ГУ ВШЭ.
- Розенберг Н. (2009). *Бернард Мандевилль // Невидимая рука рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена*. [Rosenberg N. (2009). Bernard Mandeville // The Invisible hand of the market. Ed. by J. Ithwell, M. Milgate, P. Newman]. — М.: ИД ГУ ВШЭ. С. 267–270.
- Румянцев Н.П. (2011). О разуме тарифа. Всепооданнейшая записка министра коммерции императору Александру I. 1804 // *Канцлер Румянцев (ЖЗЛ) / Лопатников В.А.* [Rumyantsev N.P. (2011). On the Reason of the Tariff. The Most Submissive Note of the Minister of Commerce to Emperor Alexander I. 1804]. — М.: Молодая гвардия. С. 288–297.
- Смит А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. [Smith A. (2007). An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. — М.: ЭКСМО.
- Смит А. (2016). *История астрономии* // А. Смит Исследование о природе и причинах богатства народов / Под ред. П.Н. Ключкина [Smith A. (2016). History of Astronomy]. — М.: ЭКСМО. С. 888–976.
- Соболев М.Н. (1898). *Политическая экономия*. [Sobolev M.N. (1898). Political economy] // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Полутом 47. С. 305–312.
- Тойнби А. (1898). *Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии* [Toynbee A. (1898). The Industrial Revolution of the 18th Century in England]. — М.: тип. А.Г. Кольчугина.
- Февр Л. (1991). *Бои за историю*. [Febvre L. (1991). Combats pour l'Histoire (in French)]. — М.: Наука.
- Фрис Я. де. (2016). *Революция трудолюбия. Потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней*. [Vries J. de. (2016). The Industrious Revolution: Consumer Demand and the Household Economy, 1650 to the Present]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Хобсбаум Э. (1999). *Век революции. Европа 1789–1848*. [Hobsbaum E. (1999). The Age of Revolution. Europe 1789–1848]. — Ростов-на-Дону: Феникс.
- Чупров А.И. (1918). *История политической экономии*. [Chuprov A.I. (1918). The history of political economy]. 8-е изд. — М.: изд-во М. и С. Сабашниковых.
- Шторх А.К. (2008). *Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие* [Storch A.K. (2008). A Course of Political Economy, or an Exposition of the Principles that Determine the Well-Being of the People]. — М.: ИД «Экономическая газета».
- Энгельс Ф. (1955). *Положение рабочего класса в Англии* // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 2. [Engels F. (1955). The Situation of the Working Class in England // K. Marx, F. Engels Collected Works. Vol. 2]. — М.: Политиздат. С. 231–517.

- Blaug M. (1985). *Economic Theory in Retrospect*. — Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press.
- Dewey J. (1915). *German Philosophy and Politics*. — N.Y.: Henry Holt and Co.
- Hall A.R. (1974). Was Did the Industrial Revolution in Britain Owe to Science? // *Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society*. — London: Europa Publications.
- Hall A.R. (1954). *The Scientific Revolution, 1500–1800: The Formation of the Modern Scientific Attitude*. — London; New York: Longmans, Green.
- Hamilton W.H. (1919). The Institutional Approach to Economic Theory // *American Economic Review*. Vol. 9. No. 1. Pp. 309–318.
- Kennedy G. (2009). Adam Smith and the Invisible Hand: From Metaphor to Myth // *Econ Journal Watch*. Vol. 6. No. 2. Pp. 239–263.
- Kindleberger Ch.P. (1990). *Historical Economics: Art or Science?* — Berkeley: University of California Press.
- Koebner R. (1959). Adam Smith and the Industrial Revolution // *Economic History Review*. Vol. 11. Issue 3. Pp. 381–391.
- Lerner M. (1937). Introduction // *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. — N.-Y.: The Modern Library. Pp. V–X.
- List F. (1856). *National System of Political Economy*. (Transl. from the German). — Philadelphia: Lippincott and Co.
- Peaucelle J.-L., Guthrie C. (2011) How Adam Smith Found Inspiration in French Texts on Pin Making in the Eighteenth Century // *History of Economic Ideas*. Vol. XIX. No. 3. Pp. 41–67.
- Ratzlaff G.J. (1937). Economic Control in Nineteenth Century // *Planned Society: Yesterday, Today, Tomorrow*. — N.-Y.: Plentice Hall Inc. Pp. 128–156.
- Schumpeter J.A. (1954). *History of Economic Analysis*. — L.: Allen & Unwin.
- Taylor J. (2023). Was seventeenth-century British political arithmetic a precursor of nineteenth-century economic science? // *Terra Economicus*. Vol. 23. No. 1. Pp. 32–46.
- Vries J. de, Woude A. van der (1997). *The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Гловели Георгий Джемалович

glovelig@mail.ru

Georgii Gloveli

Doctor of sciences (Economics), professor, National Research University «Higher School of Economics», Moscow
glovelig@mail.ru

FROM PETTY TO SMITH: THE ORIGIN OF CLASSICAL POLITICAL ECONOMY IN HISTORICAL-SCIENTIFIC AND WORLD-SYSTEM RETROSPECT

Abstract. The article is dedicated to the anniversaries of W. Petty and A. Smith in 2023 and examines the legacy of the classics of English political economy in the context of the problem of the influence of the European Scientific Revolution of the XVII century on the British Industrial Revolution of the XVIII century. The historical significance of the heyday of British clock-making as a by-product of the Scientific Revolution of the XVII century and the prerequisites for the accumulation of human capital in England, necessary for a technological breakthrough into industrial civilization, are highlighted.

Various interpretations by economists and historians of thought of the framework of classical political economy and A. Smith's attitude to the Industrial Revolution are compared. The W. Petty's anticipation in the "Additions to the Political Arithmetic" of the role of innovative clockmaking and coal resources as British competitive advantages is noted. It is shown that the evolution of English political economy from balance-of-trade doctrine to A. Smith's «system of natural freedom» reflected the conquest by England of the hegemonist position in the formed capitalist World-System.

Keywords: *classical political economy, political arithmetic, scientific revolution of the XVII century, industrial revolution, human capital, world-system hegemony, Manchesterism.*

JEL: A 14, B10, B12, B17, B31, N63, N73.